

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro : 1 Fr. 50

22-ое МАЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Мирный и умѣренный элементъ въ русскомъ социально-революціонномъ движеніи. — 2) Кіевскіе просвѣтители. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену. — 4) С. И. Бардина. К. — 5) Изъ Подольскаго села. С. Кр. (Корреспонденція «В. Слова»). — 6) Бюрократія и новыя желѣзныя дороги. (Корресп. «В. Слова»). Р. Ф. — 7) Земская Хроника. V. Административно-политическіе вопросы. О. В. — 8) Парижскій рабочій конгрессъ. — 9) Библиографія. Календарь «Народной Воли» на 1883. — 10) Извѣстія и замѣтки: Новый видъ политическихъ арестовъ. — Къ варшавской студ. исторіи. — Дешевое шпіонство. — Изъ Петербурга. — Къ свѣдѣнію объ одесскомъ полг. процессѣ 26-ти. — Изъ Львова. — Новости женева-русской печати. — Поправка. — 11) Отъ редакціи.

ЖЕНЕВА, 22 мая 1883.

Заглавіе настоящей статьи можетъ вызвать улыбку у многихъ читателей консервативнаго лагеря и, пожалуй, негодованіе у иного читателя лагеря революціоннаго. А между тѣмъ оно, смѣемъ думать, намѣчаетъ дѣйствительно существующее явленіе и при томъ на столько важное, что о немъ непременно слѣдуетъ поговорить открыто. Не только умѣренный, но и въ сущности очень мирный элементъ существуетъ не только подъ воинственными девизами, но и за военными дѣйствіями русскихъ революціонеровъ и часто даже, — какъ это съ перваго взгляда ни странно, — самымъ, повидимому, крайнимъ и военнымъ русскимъ социально революціоннымъ фракціямъ, элементъ этотъ гораздо болѣе присущъ, чѣмъ другимъ, менѣе грознымъ по внѣшнему виду.

Мы не считаемъ вполнѣ точною ту схему исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія, которая въ послѣднее время не разъ провозглашалась его представителями на политическихъ процессахъ и въ печати русской и иноязычной, — и которую, благодаря именно ея излишней абсолютности, царскимъ прокурорамъ и офиціознымъ публицистамъ легко было объявлять фальшивою и даже лицемѣрною, — именно будто бы русское социалистическое движеніе начала 70-хъ годовъ было совершенно мирно-пропагандистское и стало революціоннымъ, а потомъ и „террористическимъ“ — уже послѣ, вслѣдствіе правительственныхъ насилій. Противъ такой схемы не трудно выста-

вить достаточное количество „кроваво-революціонныхъ“ фразъ изъ русскихъ социалистическихъ прокламацій и листовъ еще конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, указать на существованіе еще въ 70-е годы кружковъ „бунтарей“, а равно и набрать, хотя бы, напр., изъ бумагъ, захваченныхъ еще при арестахъ 1874 г. или изъ переписки русскихъ эмигрантовъ этого времени, попавшей въ руки прусскихъ властей и выставленной въ берлинскомъ процессѣ 1878 г., — цѣлый рядъ фразъ, изъ которыхъ складывается полный катехизисъ того русскаго „терроризма“, какой сталъ на видный планъ въ послѣдніе годы. Наконецъ, во многихъ изъ тѣхъ книжекъ, съ которыми самые мирные пропагандисты отправились въ народъ въ 1874—1875 гг., было достаточное количество кроваво-революціонныхъ фразъ.

Все это надо признать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ средѣ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ существовала немалочисленная фракція „мирныхъ пропагандистовъ“, исповѣданіе вѣры которыхъ изложено, напр., (и мы думаемъ, что вполнѣ искренно) въ рѣчи Бардиной на процессѣ 50-ти въ 1877 г. Это исповѣданіе, во первыхъ, даже гораздо болѣе дѣлаетъ уступокъ господствующимъ идеямъ (особенно относительно религіи), чѣмъ самый умѣренный социализмъ въ зап. Европѣ, откуда наши социалисты заимствовали свои ученія, — а во вторыхъ, прямо отрицаетъ воззваніе къ бунту.

«Собственности я никогда не отрицала, — говорила русская социальная революціонерка передъ судомъ, — коммунизмъ, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ... Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ Христіанства *)... Въ подрываніи государства я столь же мало виновна. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подрывать государство не могутъ... Къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ... Обвиненіе говорить, что мы желаемъ уничтожить классы, и поднимать это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дво-

*) Подобное отношеніе къ христіанству, весьма перѣдко въ р. социалистическо-народническихъ кругахъ, объясняется, конечно, слабымъ распространеніемъ въ нихъ, какъ вообще въ Россіи, результатовъ европейской науки о религіяхъ, положенія которой на Западѣ успѣли уже просочиться и въ среду рабочихъ.

рянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять такъ недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія раздѣленіе людей на классы, — на имущихъ и неимущихъ, но не самихъ личности, составляющихъ эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое въ свою очередь стало-бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству по-стольку, по-скольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ крокодилаго-то и безправственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобныя вопросы гласнымъ образомъ, публично...

(Дальше Бардина отказывается также и отъ заговоровъ (сoup d'état) и является ан-архисткой, толкуя прокурору прудоновское значеніе этого термина).

Всѣ такіе слова свидѣтельствуютъ не только о полной мирности стремленій извѣстныхъ лицъ и кружковъ изъ тѣхъ, кто такъ жестоко былъ покаранъ царскими судами (а также жандармами и прокурорами еще до суда), но и о значительной умѣренности ихъ даже теоретическихъ требованій сравнительно съ ихъ западными единомышленниками, которыхъ никакой судъ въ зап. Европѣ не вздумалъ бы показывать даже и послѣ исключительныхъ законовъ Бисмарка, а особенно такъ жестоко показывать.

Мы не будемъ разсчитывать, сколько между арестованными и такъ или иначе затронутыми полиціей молодыми социалистами 1874—75 г. (а такихъ было около 2000) было „мирныхъ пропагандистовъ“, въ родѣ Бардиной. Но несомнѣнно, что ихъ было не мало и что жандармы и прокуроры, вдохновленные приказами ген. Потапова и гр. Палена „арестовать всѣхъ подозрительныхъ людей“, обратили въ социалистовъ и „кровавыхъ революціонеровъ“, не только ихъ, но и всякаго рода коопераціонистовъ на тотъ манеръ, какой появился у насъ въ 60-е годы, и которые, примѣняя на нѣмецкій аршинъ, выходили у насъ своего рода не только лассалланцами, но даже шульце-делицианцами, и которые даже просто хотѣли какъ нибудь, только искренно, служить мужику,

или даже только присмотрѣться къ нему. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, между прочимъ и на основаніи наблюденій надъ лицами, которыя уцѣлѣли отъ полицейскихъ рацій 1874—75 гг., или остались въ Россіи въ народѣ, или, увидѣвъ свою къ тому неприготовленность, возвратились къ продолженію ученія, или къ свободнымъ профессіямъ, или же, уѣхали за-границу и здѣсь ближе присмотрѣлись къ жизни и къ рабочему движенію, не подлежитъ сомнѣнію, говоримъ мы, что если бы знаменитое хожденіе въ народъ русскихъ социалистовъ 1874—75 гг. совершилось при условіяхъ западно-европейскихъ, т. е. осталось безнаказаннымъ, или было даже судимо и наказано по европейскимъ, на такіе случаи, законамъ, то значительная часть людей, которые погибли въ Россіи, или перешли къ террористическимъ теоріямъ и дѣйствіямъ, сами собою обратились бы въ „постепеновцевъ“ въ болѣе или менѣе благородномъ смыслѣ этого слова.

Въ Россіи же вышло иначе. Но интересно прослѣдить въ русскомъ соц. движеніи за тѣмъ, какъ съ одной стороны, родная дѣйствительность, въ видѣ правительства, ожесточала и тѣмъ болѣе революціонировала социалистически настроенную молодежь, — и какъ, съ другой стороны, все таки соприкосновеніе послѣдней съ дѣйствительною жизнію научало молодежь умѣрять свои надежды и требованія отъ настоящей минуты и учило своего рода постепеновщинѣ.

Возмутительно долгое и тяжелое предварительное заключеніе, а потомъ жестокая наказанія, какимъ подвергались арестованные въ 1874—75 гг. социалисты, наконецъ, совершенно незаконныя административныя высылки даже оправданныхъ судомъ, — не могли не раздражить самыхъ мирныхъ пропагандистовъ и должны были прибавить кредита бунтарско-террористическимъ (или, по тогдашнему, револьверническимъ) фракціямъ среди кружковъ, затронутыхъ социальнымъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ аресты 1874—75 гг. повели за собою крушеніе мирныхъ пропагандистовъ и выдвигали элементъ болѣе крайній по его приемамъ, это крушеніе, сопровождавшееся крушеніемъ на русской почвѣ „западнаго социализма“ вообще, даже въ его все таки урѣзанной формѣ, — повело за собою еще большее урѣзываніе или еще большую теоретическую умѣренность въ стремленіяхъ именно бунтарей и народниковъ. Кружки р. соц. революціонеровъ подъ этими именами, воспреобладавшіе послѣ арестовъ 1874—75, уже отвергаютъ „абстрактныя формулы западнаго социализма“, а говорятъ объ „агитированіи народа на почвѣ народныхъ требованій“. Отсюда происходитъ, рядомъ съ бунтарскими пожеланіями, рядъ уступокъ господствующимъ идеямъ и учрежденіямъ, хотя бы сначала для бунтарскихъ цѣлей, — уступокъ, доходившихъ до такихъ даже вещей, какъ чигиринская попытка бунтовать народъ во имя царя, при чемъ бунтари пошли даже противъ дру-

гихъ своихъ товарищей, увѣряя народъ, что царя хотѣли убить баре за его доброжелательность къ народу, — а въ другую сторону — рядъ стремленій, уже совершенно мирныхъ: быть чѣмъ бы то ни было полезнымъ мужикамъ. Направленіе политическое выработалось среди русскихъ социалистовъ-народниковъ сначала чисто-эмпирически*). Но развиваясь дальше въ террористической фракціи, политическое направленіе все болѣе становилось умѣреннымъ въ своихъ теоретическихъ требованіяхъ по части преобразованія общества, особенно преобразованія социальнаго. Изъ этого двойнаго теченія, совершавшагося подъ покровомъ титула: социальныя революціонеры, несомнѣнно заимствованнаго у французовъ, и при желаніи внести въ свою среду „дисциплину партіи“, совершенно невозможную при отсутствіи для того условій, т. е. открытой организаціи партіи, — происходили среди русскихъ социалист. революціонеровъ чрезвычайно интересныя пререканія по вопросу объ умѣренности и истинной революціонности разныхъ ихъ фракцій.

Пререканія эти отчасти изображены въ брошюрѣ „А. И. Желябовъ“ на страницахъ (17—18 и 25—26), на которыхъ описаны споры между участниками Воронежскаго и Липецкаго съѣздовъ 1879 года. Тамъ оказалось, что социалисты,

„прожившіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства (усилившіяся вслѣдствіе нѣсколькихъ политическихъ убійствъ), приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ и (что) его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ...“ „Вся деревенская часть съѣзда (Воронежскаго), рассказываетъ авторъ брошюры (очевидно террористъ-политикъ), слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ; нѣкоторые оказались даже вовсе не революціонерами и приводили мысль, что задача партіи — это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія“.

Такая умѣренность и постепеновщина злила террористовъ, въ родѣ Желябова: „хороши ваши землевольцы! — говорилъ онъ, — и эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ Но съ другой стороны, и социалисты, слушая политическія ереси Желябова, восклицали: „да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ!“ — что на тогдашнемъ языкѣ извѣстныхъ кружковъ значило въ свою очередь: постепеновецъ и нереволуціонеръ! И дѣйствительно, террористъ и, слѣдовательно, архи-революціонеръ, — если понимаетъ это слово, въ его обыкновенномъ, военномъ смыслѣ, — Желябовъ былъ по своему постепеновецъ и мечталъ моментальнымъ

*) Это наблюденіе наше, опротестованное въ „Народной Волѣ“ (№ 9), вполне подтверждается разсказами на 16 стр. брошюры „А. И. Желябовъ“ колебаніями первыхъ „террористовъ“ признать „необходимость политической свободы“ и принять на себя кличку „конституціоналистовъ“: „намъ не нужно конституцій, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой, — такими несообразностями отговаривались эти террористы въ своихъ кружкахъ и подобныя несообразности высказывали въ прокламаціи „Смерть за смерть“ по поводу убійства Мезенцева“.

терроромъ создать условія для постепеннаго роста народной партіи изъ умѣренныхъ людей.

„Я знаю, — говорилъ онъ, — много очень умныхъ, энергическихъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей — не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потому, выработавши себѣ крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло, — эти люди уже не передъ чѣмъ не остановятся, ставя тѣми героями, какихъ намъ показываетъ нѣкогда сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ“.

Не смотря на предпоследнюю фразу о герояхъ, въ которой видно столько же идеализаціи русскихъ сектантовъ (которые будутъ знамениты въ лѣтописяхъ религиозныхъ движеній именно пассивностію даже своего героизма), сколько и желанія сохранить все таки революціонный, „боевой“, какъ любятъ выражаться р. соц. рева. пресса, — характеръ своей мечты, не трудно видѣть, что Желябовъ представлялъ себѣ возможность развитія социализма въ Россіи только постепеннаго, въ сущности мирнаго.

Изъ послѣдующихъ заявленій р. террористовъ передъ судомъ и даже, — что еще любопытнѣе, — изъ ихъ интимныхъ программъ, видно, что дальнѣйшее развитіе именно „террористической“ фракціи пошло еще радикальнѣе въ этомъ направленіи. Такъ, въ напечатанной на-дняхъ въ „Календарѣ Народной Воли“ запискѣ „Подготовительная работа партіи“ читаемъ такіе строки: „партія должна подготовляться къ возстанію; если же оно, вѣчаянія, окажется излишнимъ (если правительство „дастъ конституцію“), то тѣмъ лучше: собранныя силы пойдутъ тогда на мирную работу“ (стр. 123).

Всѣ вышеприведенныя выписки изъ вещей, имѣющихъ въ своемъ родѣ дѣломъ ментальное значеніе, показываютъ, каковы несчастными недоразумѣніями обставлены у насъ вопросы о т. наз. социально-революціонномъ движеніи и какъ онъ требуетъ еще пересмотра съ возможно объективнымъ, но въ то же время человѣчнымъ къ нему отношеніемъ. Намъ кажется, что однимъ изъ первыхъ приемовъ критики, которая захочетъ добраться до сущности этого движенія въ Россіи, должно быть представленіе въ сторонѣ всякихъ его внѣшнихъ девизовъ и партіонныхъ кличекъ все это, какъ и самое стремленіе разныхъ р. соц. рева. кружковъ выдать себя за партію или ея представителей, — все это поверхностно, уже по тому, что не оригинально, а заимствовано изъ странъ, находящихся въ другихъ сравнительно съ Россіей социально-экономическихъ и политическихъ условіяхъ. Мало того: мы даже думаемъ, что при обсужденіи даннаго вопроса надо оставить въ сторонѣ всю почти русскую социально-революціонную прессу, — ужъ и потому, что, — какъ выразился или, лучше, проговорился, одинъ изъ ея участниковъ

въ „Общинѣ“, — „пресса въ ранговой лѣстницѣ революціонной преданности (и дѣятельности) едва удостоивалась занять послѣднюю степень“, — и вообще болѣе или менѣе случайна, — а равно и обратить вниманіе не столько на идеи р. социальных революціонеровъ, сколько на ихъ чувства.

Идеи, послѣдовательность ученія школы, принципамъ партіи и т. п. у русскихъ вообще еще не играютъ большаго значенія, въ чемъ, конечно, заключается одна изъ причинъ неустойчивости всякихъ русскихъ дѣлъ и начинаній. Русскіе всякихъ партій и отгѣнковъ все еще характеризуются болѣе всего ихъ чувствами и стремленіями, а не внѣшнею ихъ формулировкой. Самое же характеристическое чувство русской молодежи послѣднихъ десятилѣтій — это чувство стыда за порабощеніе массы народа крѣпостному рабству, невѣжеству и нищетѣ, чувство сознанія себя въ долгу у этой массы, откуда естественно вытекаетъ желаніе чѣмъ либо и поскорѣе заплатить этотъ долгъ. Это чувство, встрѣтившись съ литературнымъ изложеніемъ идей западно-европейскаго социализма, естественно увлеклось послѣднимъ, какъ самую радикальную форму, въ которой это чувство могло воплотиться, а во вторыхъ какъ формулою справедливости, теоретическую правильность которой дѣйствительно трудно и оспорить. Но въ Россіи, — вслѣдствіе, конечно, ея обширности и малонаселенности, опредѣляющихъ всѣ явленія ея экономической жизни, западный социализмъ всегда имѣлъ болѣе этическое, чѣмъ экономическое значеніе, и болѣе своими общими ученіями, чѣмъ ихъ деталями.

Успѣхъ ученій социализма въ Россіи многіе иностранные, какъ и русскіе наблюдатели пробовали объяснять сохраненіемъ въ этой странѣ общиннаго землевладѣнія. И это отчасти вѣрно, такъ какъ сельская община самымъ своимъ существованіемъ свѣдѣтельствовала передъ русскими образованными людьми о возможности осуществленія социалистическаго идеала. Но и самая эта община подходитъ къ этому идеалу гораздо болѣе своею юридическою и этическою стороною (право каждого члена міра на землю и обязанность міра заботиться о каждомъ членѣ), нежели экономической. Опять таки, вѣроятно вслѣдствіе простора Россіи, община эта съ ея раздѣломъ участковъ по ревизскимъ душамъ не подходитъ къ коммунизму и даже весьма далека отъ сколько нибудь организованной кооперации; сколько нибудь подходящія къ коммунизму формы земледѣльческаго труда встрѣчаются въ Россіи покамѣстъ только въ немногихъ себріанскихъ спілкахъ и артеляхъ, которыя (замѣчательно!) описаны пока гораздо болѣе въ „индивидуалистической“ подворной Украинѣ, чѣмъ въ общинной Великороссіи. Русское сектантство, о которомъ (по недоразумѣнію) идетъ еще и теперь такъ много толковъ среди р. соц. народниковъ, оказывается при подробномъ и хладнокровномъ наблюдѣніи, поразительно бѣдно коммунистическими элементами, по

сравненію съ нѣмецко-голландскимъ XVI в., Великобританскимъ XVII—XVIII в. и американскимъ XIX ст. Въ самой русской интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ сен-симонизмъ и фурьеризмъ сводился конкретно на стремленія къ освобожденію крестьянъ. Въ 60-е годы, когда, между прочимъ вслѣдствіе подготовки общества пропагандою этихъ русскихъ социалистовъ 30-хъ—40-хъ годовъ, освобожденіе крестьянъ стало практическимъ вопросомъ, социалисты, въ родѣ Герцена и Огарева и даже въ родѣ Чернышевскаго, оставляя въ сторонѣ формулы школьнаго социализма, посвящали всю свою практическую энергію вопросу о выкупѣ крестьянами надѣловъ. Развившіеся съ тѣхъ поръ и въ Россіи фабричная промышленность и пролетаріатъ дали, конечно, и здѣсь болѣе практической почвы для формулъ социализма. Но все таки экономическія условія Россіи еще не подошли къ той степени, чтобъ эти формулы получили здѣсь то же значеніе, какое имѣютъ на Западѣ, и увлеченіе ими молодежи имѣетъ въ Россіи все же преимущественно этическое значеніе, а доктринерство ея въ этомъ отношеніи проистекаетъ главнымъ образомъ отъ невозможности для русской интеллигенціи служить народнымъ массамъ какимъ бы то ни были конкретнымъ способомъ. Невозможность эта — коренится въ политическихъ, или, лучше, полицейскихъ, — такъ какъ иной политики, кромѣ полиціи въ Россіи нѣтъ и при самодержавіи быть не можетъ, — условіяхъ Россійской имперіи. Пусть только установится въ Россіи политическая свобода съ самоуправленіемъ общинъ, уѣздовъ и провинцій, которое дастъ естественные кадры, куда можетъ помѣститься каждый интеллигентный человѣкъ, желающій платить свой долгъ чернорабочимъ массамъ и въ то же время поддерживать свое существованіе трудомъ на ихъ пользу (обѣ эти идеи подробно развиты въ статьѣ „Нѣсколько мыслей по вопросу — что дѣлать“, въ 38 № „Вольнаго Слова“), и социализмъ на долго получитъ въ Россіи то значеніе, которое ему отведено въ словахъ г. Ц. (принадлежащаго къ кругу р. соц. революціонеровъ) въ его статьѣ въ 50 №-рѣ нашей газеты:

«Для людей, заботящихся объ экономическомъ благѣ и обезпеченіи народа въ Россіи, нѣсколько вопліи научныхъ истинъ современнаго социализма могутъ служить указателемъ и свѣточемъ будущаго, но свѣточемъ, который долженъ не заслонять современную дѣйствительность, а освѣщать и выяснять ее; съ точки зрѣнія этихъ истинъ и при ихъ помощи можно и должно разрабатывать и разрѣшать отдѣльные назрѣвающие вопросы и нужды современной жизни; но навязывать ихъ жизни, втискивать жизнь въ ихъ рамки и презрительно отворачиваться отъ ея настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ только потому, что она не влѣзаетъ въ рамки нашихъ доктринъ, — значило бы попусту тратить время и вычеркивать себя изъ списка живыхъ».

Кстати же теперь и въ западной Европѣ, съ постановкой вопроса объ образованіи рабочихъ парламентскихъ партій и особенно съ начинающимся выступленіемъ на арену социально-политической борьбы крестьянства, все со-

циалистическое движеніе принимаетъ со-всѣмъ новый видъ и, конечно, въ главномъ своемъ теченіи должно много утратить изъ своего прежняго литературно-школьнаго и ораторско-революціоннаго догматизма. (См. дальше ст. о Парижскомъ рабочемъ конгрессѣ).

Нѣкоторые изъ умныхъ иностранныхъ наблюдателей Россіи подмѣтили одну характеристическую особенность русской интеллигенціи: это ея безпритязательность, готовность взяться за дѣло, не заботясь о его внѣшнихъ формулахъ, о правахъ самихъ работающихъ и т. п. Эту черту замѣтилъ, напр., г. Ан. Леруа — Болѣе въ нашихъ провинціальныхъ земскихъ дѣятеляхъ и выводилъ отсюда возможность для умнаго и честнаго правительствѣ въ Россіи дать провинціямъ самоуправленіе, не боясь даже за существованіе имперскаго самодержавія. Въ значительной степени подобной же безпритязательностью отличается и страшное и доктринерское на видъ русское социально-революціонное движеніе. Повторяемъ, мы видимъ въ подобныхъ чертахъ далеко не добродѣтель, не силу, но слабость русскаго общества, объясняемую его исторіей со времени сокрушенія свободы его городовъ и областей. Но фактъ остается фактомъ, и теперешній русскій человѣкъ все таки характеризуется болѣе намѣреніемъ, направленіемъ его мыслей и дѣйствій, нежели ихъ формулировкой и формою. Такъ и русское соц.-революціонное направленіе, если отбросить его совершенно внѣшнія и при томъ смѣняющіеся съ поразительною легкостью девизы и клички и особенно если взять его въ его общемъ, массовомъ теченіи, а не въ одиночныхъ, хотя бы и болѣе видныхъ, кружкахъ, характеризуется главнымъ образомъ желаніемъ какъ бы то ни было служить мужику, — а самая страшная форма этого движенія, т. наз. терроризмъ (который, какъ показано будетъ въ другой статьѣ настоящаго №-ра, на самомъ дѣлѣ даже совсѣмъ не терроризмъ), въ сущности и есть не что другое, какъ проявленіе страстнаго желанія получить какой бы то ни было просторъ для этой службы, невозможной, какъ оказалось, при царско-чиновническомъ самодержавіи въ Россіи. Каковы бы даже ни были идеи и стремленія центрального кружка, который производилъ извѣстные террористическіе акты, не сомнѣнно, что сочувствіе ему въ массѣ молодежи объясняется главнымъ образомъ вышеупомянутымъ желаніемъ и соотвѣтственными надеждами.

Въ этой своей новѣйшей формѣ русское соц. революціонное движеніе, обнаруживъ безпритязательную готовность поступиться теоретическимъ радикализмомъ своихъ требованій, въ то же время показало значительную практическую притязательность по вопросу о завоеваніи у самодержавія извѣстныхъ основныхъ правъ и гарантій, безъ которыхъ никакая общественная работа не возможна *).

*) Мы проходимъ мимо тѣхъ уступокъ монархическому принципу, которые сдѣлали, если вѣрить извѣстіямъ иностр. корреспондентовъ, а также

стороны, и провинциальные земцы начинают обнаруживать притязательность, убъждались, чѣмъ дальше, все больше, что органическая жизнь въ провинціяхъ, а особенно освобожденіе мѣстнаго самоуправленія отъ путъ бюрократіи и буйствъ полиціи — не мыслимы безъ гарантій самоуправленія государственнаго. Въ распространеніи и энергическомъ заявленіи этой притязательности со стороны земцевъ и лежитъ все спасеніе Россіи и, между прочимъ, отъ него зависитъ и сбереженіе силъ молодежи, естественно впечатлительной къ социально-революционному движению, отъ преждевременной растраты, а равно и утилизируются въ свое время этихъ силъ и горячихъ стремленій молодежи къ народному благу. Чѣмъ болѣе настойчивой притязательности противъ самодержавія обнаружатъ наши земцы, тѣмъ болѣе сдержанности и умѣренности обнаружатъ радикально и революционно настроенная молодежь и тѣмъ болѣе она будетъ спасена отъ лапъ полиціи, а также отъ притязательности заговорщиковъ по профессіи, которые неизбежно должны появляться во всякихъ обществахъ, гдѣ политическая борьба затягивается на долгое время и ведется подпольнымъ образомъ, и которые неизбежно усваиваютъ себѣ привычки врага, съ которымъ борются, и въ томъ числѣ и его презрѣніе къ стоимости и количеству жертвъ этой борьбы. Русское же правительство въ настоящее время точно подрядилось, какъ породить такихъ заговорщиковъ, такъ и доставить имъ матеріалъ для орудованія въ лицѣ тысячъ молодыхъ людей, обрабатываемыхъ имъ въ касту исключенныхъ и „незаконныхъ“. Вопросъ объ этомъ матеріалѣ, — который берется изъ самыхъ восприимчивыхъ ко всему доброму молодыхъ людей, возможныхъ лучшихъ слугъ народа и страны, — становится все болѣе жгучимъ, хоть бы, напр., въ виду исключенія въ послѣдніе мѣсяцы нѣсколькихъ сотенъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ виду многочисленныхъ арестовъ, о которыхъ доходятъ до насъ вѣсти изъ всѣхъ большихъ и даже многихъ малыхъ городовъ сѣвера и юга Россіи.

Неужели этотъ вопросъ, — вопросъ дѣтей и будущаго страны, забудутъ представители сословій, земствъ и городовъ — въ чаду коронаціонныхъ празднествъ?!

КІЕВСКІЕ ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Есть въ кіевскомъ университетѣ ветеранъ профессоръ римскаго права г. Митюковъ. Давно одной дошедшей до насъ гектографической рѣчи подсудимаго (которой мы пока не печатаемъ, ожидая другихъ), — нѣкоторые подсудимые послѣднѣго петербургскаго процесса. Уступки это объясняются, какъ личными условіями и настроеніемъ каждаго изъ подсудимыхъ, такъ, можетъ быть, исходятъ изъ эмпирическаго народничества, изъ расчета подойти къ настроенію минуты даже въ правительственныхъ кругахъ и склонить и дѣлать работу все же на пользу народа. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти колебанія и тонкіе расчеты воображаемыхъ представителей и вожаковъ «партіи» не имѣютъ большаго значенія относительно массы затронутыхъ движениемъ лицъ, которая въ настоящее время по вопросу объ ограниченіи самодержавія является уже немиримой.

уже отслужилъ онъ срокъ своей службы, давно уже продолжаютъ выбирать его на нѣсколько пятилѣтій послѣ прослуженнаго срока. Выбирали его дѣльцы профессора, ибо г. Митюковъ до послѣдняго времени состоялъ управляющимъ обществомъ взаимнаго кредита (и какое отношеніе римскаго права къ банку?), а дѣльцы профессора слишкомъ близки къ этому обществу по своимъ геополитическимъ интересамъ. Да и бѣлый шаръ г. Митюкова нуженъ былъ дѣльцамъ на всякій случай. Но вотъ съ 1881 года г. Митюковъ оказался полной развалиной, удалился не только отъ банковскаго дѣла, но и пересталъ читать лекціи въ университетѣ, для конхъ приглашенъ доцентъ Казанцевъ. По просту говоря, г. Митюковъ впалъ въ полное слабоуміе, не можетъ не только мыслить, но и свободно ворочать языкомъ, состоитъ теперь на безнадежномъ излеченіи у доктора Подръзана и пныхъ. Тѣмъ не менѣе впаившій въ слабоуміе г. Митюковъ не только получаетъ жалованіе ординарнаго профессора, но и раздѣльную плату за слушаніе лекцій. Такъ и продолжалось цѣлые полтора года, въ продолженіи которыхъ г. Митюковъ лежалъ въ кровати и не былъ ни на одной лекціи. Въ добавокъ къ этому дѣльцы псходатайствовали еще заграничную поѣздку для г. Митюкова; въ поѣздку однако г. Митюковъ не отправился, а деньги взялъ.

По этому поводу поднялся въ совѣтѣ вопросъ, и профессоръ Хандриковъ вошелъ съ особымъ мнѣніемъ. Дѣльцы законопились. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій прочитано было особое мнѣніе г. Хандрикова. Изложившій въ откровенной формѣ всю исторію съ г. Митюковымъ, проф. Хандриковъ высказалъ мнѣніе, что не мѣшало бы совѣту рѣшить нарядить комиссію для освидѣтельствованія умственныхъ способностей г. Митюкова. Скандалъ вышелъ полный. Буря, шумъ, гамъ. Когда исмного возобновленъ былъ порядокъ, тогда встаетъ г. Шефферъ и проситъ прочитатъ и его отдѣльное мнѣніе. Ректоръ Ренненкампфъ, какъ будто ничего не зная, говоритъ г. Шефферу, что онъ не можетъ допустить чтенія особаго мнѣнія, не представленнаго ректору по крайней мѣрѣ за три дня до совѣта. Впрочемъ, говоритъ г. Ренненкампфъ, университетскій уставъ разрѣшаетъ ректору предложить подобный вопросъ на баллотировку и, если большинство совѣта рѣшитъ читать несмотрѣнное отдѣльное мнѣніе, то оно можетъ быть прочитано. Совѣтъ рѣшаетъ, конечно, большинствомъ голосовъ читать отдѣльное мнѣніе г. Шеффера. Тогда г. Шефферъ вынимаетъ изъ кармана писанный листъ бумаги и начинаетъ читать. «Я до сихъ поръ не зналъ, что въ совѣтѣ можно предлагать свидѣтельствовать умственные способности профессоровъ. Изъ особаго мнѣнія г. Хандрикова я узналъ, что это можно сдѣлать. Въ силу этого, я предлагаю освидѣтельствовать умственные способности проф. Хандрикова, ибо я давно замѣчаю уже, что онъ давно функционируетъ у него ненормально. Вотъ, напр., недавно проф. Хандриковъ напалъ кровельщика для починки крыши обсерваторіи. Разсердившись за что-то на кровельщика, пр. Хандриковъ принялъ лѣстницу и продержалъ кровельщика четыре часа на морозѣ». Г. Хандриковъ взбѣлся, всѣ соскочили

съ мѣстъ. Г. Ренненкампфъ началъ звонить и кричать на г. Шеффера: «какъ вы смѣете читать такіе дерзкіе рѣчи! Я по праву председателя воспреещаю вамъ дальѣйшее чтеніе». «Такъ вы воспрещаете? Я повинуюсь и не продолжаю чтенія, но вся сущность моего особаго мнѣнія заключается въ томъ, что я успѣлъ высказать». Не правда-ли, правъ?

Относительно г. Митюкова скажемъ еще слѣдующее. Этотъ мужъ до сихъ поръ не намечалъ ни одной, кажется, строки. Когда начали подниматься въ совѣтѣ вопросы о г. Митюковѣ — его клеветы достали литографическія записочки г. Митюкова и начали печатать ихъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Напечатать, конечно, сотни полторы страницъ и потомъ при новой баллотировкѣ выставить эти записочки за талантливый научный трудъ. Только, кажется, г. Митюковъ не доживетъ уже до новой баллотировки. Больно старъ и безнадеженъ....

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦІИ «КОЛОКОЛА».

VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену.

Предварительная замѣтка. Помѣщаемъ дальнѣе письма Ч. проливаютъ свѣтъ на печатный турниръ, какой проиозомель на страницахъ «Колокола» въ концѣ 1858 и началъ 1859 г. и какой въ свое время вызвалъ тѣмъ болѣе волненіе въ образованныхъ кругахъ Россіи, что въ данномъ случаѣ противъ всесильнаго тогда въ этихъ кругахъ авторитета Герцена выступилъ не реакціонеръ, а тоже прогрессистъ и человекъ извѣстный въ литературѣ. Изъ слѣдующихъ дальнѣе писемъ обнаруживается яснѣе, чѣмъ изъ печатной полемики, и поводъ къ полемикѣ, и пункты разногласія и, что особенно интересно, пункты тогдашняго согласія между противниками. Къ тому же вопросы, затронутые полемикой, не потеряли своего практическаго значенія и до сихъ поръ. Такъ какъ «Колоколъ» теперь большая рѣдкость, то мы считаемъ нужнымъ предпослать помѣщаемымъ дальнѣе письмамъ выдержки изъ печатной полемики Г — на съ Ч.

Въ 27 № «Колокола» (1 Ноября 1858 г.) появилась замѣтка, которая могла нѣсколько удивить зауряднаго читателя, но которой, какъ теперь видимъ, предшествовали словесные споры съ авторомъ печат. ниже писемъ представлявшимъ, очевидно, цѣлую фракцію въ тогдашней русск. интеллигенціи. Вотъ почти вся эта замѣтка:

«Нашъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

«Нашъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мнрволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

«Нашъ упрекаютъ Славянофилы въ западномъ извращеніи.

«Нашъ упрекаютъ Западники въ славянофильствѣ.

«Нашъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и мяткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ сохъмъ напропастъ — на жаръ.

«На сей разъ только нѣсколько словъ въ отбѣтъ послѣднему упреку.

«Онъ вызвалъ двумя или тремя признаніями, что мы ош и бл и с, что мы были увлечены; не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошибались и увлекались со всей Россіей, мы не отко-